

Алексей Митрофанов

Ярославль

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Ярославль. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А. Г.

Ярославль. Городские прогулки / А. Г. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902118-2

Ярославль — один из самых уютных и приветливых провинциальных русских городов. Город комфортно раскинулся на берегу реки Волги. Есть в нем и гостиный двор, и классическое здание присутственных мест, и городской театр. Словом все то, за что мы любим русскую провинцию. Нет только кремля. Но не беда — кремлем здесь называют монастырь, стоящий в самом центре Ярославля.

ISBN 978-5-44-902118-2

© Митрофанов А. Г.
© Издательские решения

Содержание

По бывшему валу	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ярославль Городские прогулки

Алексей Геннадиевич Митрофанов

© Алексей Геннадиевич Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-2118-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ярославль – один из самых уютных и приветливых провинциальных русских городов. Если вы встанете посреди тротуара и о чем-нибудь задумаетесь, то, спустя секунд пятнадцать-двадцать, к вам непременно кто-нибудь подойдет и спросит, не нужна ли вам помощь. И в вопросе своем будет абсолютно бескорыстен.

Город комфортно раскинулся на берегу реки Волги. Есть в нем и гостиный двор, и классическое здание присутственных мест, и городской театр. Словом, все то, за что мы любим русскую провинцию.

Нет только кремля. Но не беда – кремлем здесь называют монастырь в самом центре города.

А еще в Ярославле имеется превосходная набережная, пешеходная улица и двухэтажный книжный магазин.

По бывшему валу

Ярославль старше Москвы, его история ведется с 1010 года. В 1463 году самостоятельное Ярославское княжество присоединилось к Московскому, а при Петре I, в 1722 году здесь была основана одна из крупнейших в стране полотняных мануфактур.

В 1747 году в городе начала функционировать Славяно-Латинская семинария, в 1778-м официально утвержден ярославский герб (естественно, с медведем и секирой), в 1786-м вышел первый номер первого российского провинциального журнала (назывался он «Уединенный пошехонец»), а с 1831-го стала издаваться и местная газета «Ярославские губернские ведомости».

Далее – история более-менее традиционная для губернских городов. 1860 – установление телеграфной связи (поначалу с двумя городами – Москвой и Архангельском), 1870 – начало железнодорожного сообщения с Москвой, 1883 – открытие водопровода, 1900 – запуск первого трамвая.

В 1948 году в городе появился планетарий, и это событие позволило Ярославлю окончательно расстаться с провинциальным статусом. Действительно, во фразе «В одном провинциальном планетарии...» есть что-то неестественное.

Голландский художник Карл Лебрень писал о Ярославле в 1702 году: «Самой город довольно обширен, почти четырехуголен и снаружи очень красив по множеству находящихся в нем каменных церквей. Есть в нем и дома каменные, но большая их часть деревянные, равно как и четыре моста, ведущие от домов к реке. В северной части с реки видны дома с каменной церковью. Со стороны суши он кажется красивее и огромнее, чем с остальных сторон, что зависит от красоты многих церквей, и поэтому его можно принять за один из лучших городов России. Здесь живет множество значительных купцов, изготавливается лучшая юфть, щетина и полотна; но особенно славится и достойна удивления красота здешних женщин, которые в этом отношении превосходят всех женщин России».

Полтора столетия спустя ему вторил писатель Иван Сергеевич Аксаков: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей – бездна, и почти не одной – новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города, с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, а тут же Которосль (старое название реки Которосли – авт.) и Волга с набережными, с мостами и с перевозами. – Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т.е. мужика-землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстуком... Роскошь в городе страшная. Мебель, квартиры, одежда – все это старается перещеголять и самый Петербург».

Другой писатель, Борис Зайцев, примечал: «Ярославль начинается с извозчика, который вас везет. Говор на „о“, с сокращением гласных („понима-ть“, „зна-ть“) сразу дает круглое и крепкое впечатление русского. Очень здорового, симпатичного и способного народа, живущего тут. Это потом оправдывается повсюду: недаром ярославцы издавна слынут людьми прочными, жизненными и сметливыми».

О самих же ярославцах лучше всего сказано в заметке, опубликованной в 1850 году в газете «Ярославские губернские ведомости»: «Мужчины, почти все, одеваются летом в кафтаны, суконные и китайчатые, синие и других цветов, а зимой в шубы, полушубки и тулупы, крытые сукном, плисом, бумажною саржей и китайкой... подпоясываются более

шелковыми, нежели каламенковыми кушаками; на голове носят летом поярковые и пуховые круглые шляпы, а зимой немецкие и русские шапки; на ногах – сапоги и валенки. В немецком платье ходят и бороды бреют немногие.

Женщины одеваются так же, более в русское платье. Обыкновенный наряд их в летнее время, по праздничным и воскресным дням, составляют юбки, называемые здесь полушубками, холодные епанечки (юбки и полушубки), обложенные по краям широким золотым и серебряным позументом, парчовые, шелковые, штофные, гарнитуровые, канаватные, тафтяные, ситцевые, выбойчатые и проч... Этот же наряд служит и зимою; сверх того употребляются тогда теплые парчевые, бархатные, штофные и других материй епанечки с фракком и по краям собольими, куньими и прочими опушками, так же коротенькие, гарнитуровые, шелковые и китайчатые шубки на заячьем и беличьем меху, с рукавами, с высоким назади перехватом или лифом и множеством частых бортов и складок. На голове носят шелковые простые или шитые золотом и серебром платки, с такою же по краям бахромою. На шею надевают снizки из многих ниток жемчуга, иногда с разными камнями, а при них еще снizку жемчужную же широкую для креста, а на руки зарукавные, простые или с камнями... Обуваются в башмаки и полубашмаки».

Идет такая ярославка – в коротенькой шубке на беличьем меху, вся обвешанная жемчугами, в полубашмаках – просто не дамочка, а сказка!

* * *

Ярославль компактен, все его достопримечательности можно обойти за день. Так, по крайней мере, кажется, когда смотришь на схему центра города.

С одной стороны, – это верно. Центр Ярославля и впрямь невелик. Все самое интересное находится внутри бывшего городского вала, и мы очень редко будем покидать его пределы. Однако есть обстоятельство, которое на схеме не отражено – Ярославль очень насыщен. Невозможно просто взять и пройти по его улице, обязательно сойдется вы с маршрута из-за маленького, но уютненького магазина, частного музейчика, камерного парка или завлекательного и притом недорогого кафе.

Словом, пользоваться схемой можно, но только лишь для ориентации, а не для того, чтобы заранее спланировать время прогулки.

* * *

Главной ярославской достопримечательностью принято считать Спасский монастырь. Сами ярославцы называют его Городским кремлем.

И вправду, этот монастырь славен и прекрасен. Основанный в двенадцатом веке, он повидал на своем веку немало: здесь были созданы Спасское и Федоровское евангелие, написана икона Толгской богородицы, с честью монастырь держал осаду Тушинского вора.

Однако отношения между монахами и светским миром складывались иной раз неоднозначно.

Спасский монастырь очень ценили русские великие князья. Свою приязнь они старались выразить в различных льготах. Например, Иван Великий пожертвовал архимандриту монастыря право брать дань за переправу через Волгу и Которосль. И этот случай далеко не единичный.

Разумеется, люди посадские этим льготам не слишком радовались – ведь, по сути, они отбирались у города. А обитатели монастыря, поверив в собственную исключительность, просили все больше и больше. Например, в семнадцатом столетии они потребовали присоединить к монастырю часть городского вала. Мол, «тот городской осыпной вал от монастыря близко и над монастырскою стеною возведен высоко и с того осыпного городского вала в монастыре все видеть». И власти пошли навстречу.

Доходило до того, что горожане под предводительством купцов объединялись для борьбы с монастырем. И аргументация их была куда более внушительной. Например, купец Аникей Скрипин в бытность свою земским старостой взывал к тому, что лишь с его сибирских предприятий «идет в казну пошлина на год на 1000 рублей и больше».

Весы колебались то в одну, а то в другую сторону.

А в конце восемнадцатого века вспыхнул очередной скандал. Библиофил А. И. Мусин-Пушкин приобрел у Спасского монастыря единственный известный список с «Песни о полку Игореве». Сам Александр Иванович так описывал историю приобретения: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре на смирении до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной... с названием Хронограф, в конце, найдено „Слово о полку Игореве“».

Пошли пересуды – имел ли право бывший настоятель продавать литературу, прилично ли скупать библиотеку по дешевке, пользуясь нищенским положением владельца, да и вообще, не вынудил ли «комиссионер» бедного Иоиля силой? Но в 1812 году почти вся библиотека Мусина-Пушкина сгорела в знаменитом московском пожаре – и пересуды закончились.

Однако отношения монастыря с народом не наладились. Даже актер Щепкин, будучи в городе на гастролях, когда к нему пришел монах за подаванием, ответил остроумно, но глумливо: «До сих пор все, что давал мне Господь, я брал, но сам предложить ему что-нибудь не смею!»

Кстати говоря, одна из башен той обители использовалась преимущественно для спевков церковного хора. Причина такой щедрости начальства объяснялась просто: некогда в той башне удавился один из монахов, и в ней мало того, что жить, а даже и находиться опасались. Певчие же были людьми городскими и спокойно относились к неприятностям такого рода.

* * *

Некоторые, особо безответственные обыватели посвящали Спасскому монастырю и располагавшемуся в его стенах руководству епархии смелые вирши. Вот такие:

Протодьякон Лукич,
Да Алешка маляр
Всей епархией с подлостью правят;
А Владыка наш сын,
Как последний школяр,
Все подпишет, что только представят.
И без них Архиерей
Не дойдет до дверей,
Упадет и уж больше не встанет...
И кричат подлецы:
«Эй, святые отцы!
Поднимайте – ведь вдруг кто растает!»

Автором этих строк был гражданин весьма достойный, гласный ростовской думы Андрей Александрович Титов, один из уникальнейших людей на Ярославщине. Его речи в думе заслуживают отдельного упоминания. Он, например, выступал перед гласными:

– Основание к учреждению родильного отделения, полагаю, для всех понятно: это – человеколюбие. Вероятно, до всех доходили рассказы ростовских врачей о том, что им

нередко приходится бывать у бедных рожениц в таких помещениях, где зимою от холода, сырости, угара и разных испарений не только нет возможности поправиться больному, но очень легко и здоровому заболеть, и потому все высказанное мною заявление сделано с единственною целью – насколько возможно, избавить матерей от подобной участи, а детей спасти от преждевременной смерти.

Иной раз предложения Титова были и вовсе неожиданными. К примеру, когда накопилась недоимка с горожан, лечившихся в земской больнице, но не расплатившихся, и дума размышляла, как бы эти деньги получить, он сказал:

– Городская дума заплатит всю недоимку... и кроме этого обяжется на будущее время уплачивать ежегодно за лечение несостоятельных мещан, не доводя управу ни до какого судебного процесса... Это будет, по моему мнению... гораздо лучше и полезнее, чем вести долгий процесс, сорить деньги и все-таки не быть уверенным, придется ли получить, или нет эту недоимку. Затем, господа гласные, я обращаюсь к нравственной стороне этого дела: те мещане, с которых следовало бы получить деньги, давно уже умерли, или ровно ничего не имеют, а потому приходится получить с людей, ни в чем не повинных, отнимать у них последнее жалкое имущество, продавать их бедные лачуги!

Любопытно, но предложение это было принято двадцатью семью голосами против двух – настолько мощной оказалась сила убеждения Титова.

При всем том, без стихотворных опусов он свою жизнь не мыслил. Мог, к примеру, шутки ради сочинить посвящение своему знакомому, некоему Оскару Якимовичу Виверту:

Омар Налимыч, не сердитесь,
Что рыба кличка вам дана;
Но я надеюсь – согласитесь,
Что Вы похожи на сома.

Впрочем, на Андрея Александровича редко обижались. Чаше преподносили ему книги с трепетными посвящениями: «Многоуважаемому Андрею Александровичу Титову, энергичному и талантливому труженику родной археографии, всегда готовому содействовать другим, дань признательности от редактора издания».

Андрей Александрович был деятелем «микеланджеловского» типа, то есть сочетал в себе множество разнообразных талантов. В том числе и талант настоящего хозяина: прикупив соседние участки, обустроил за своим особнячком прекрасный сад. Совершенно бесподобный, по воспоминаниям современников: «Какходишь – сразу бордюр из махровых левкоев, душистый табак, который распускался вечером с необыкновенным ароматом. Направо были розы на длинных грядках, эти розы из Франции выписывались... После роз был сиреневый кружок, диаметром 5 метров, небольшой, а в середине его лавочки. Дальше беседка очень красивая, большая, а в ней терраса, буфет с посудой (мы здесь пили чай), а далее еще беседка, ажурная, из длинных полос дерева, и в ней еще три лавочки.

В самом центре сада стоял фонтан, а в середине его – скульптура, ангел (мальчик с крылышками) с трубкой, из нее вода лилась, разбрызгиваясь.

Направо от нее яблони росли, сливы и другие фруктовые деревья. А пруд какой был! В нем рыбы плавали».

Но все же главное, чем известен Андрей Александрович – это Ростовский кремль, восстановленный благодаря его усилиям.

Скончался этот уникальный человек шестидесяти семи лет от роду. Шел по бульвару и упал. Пока везли в больницу, умер. Словно он, будучи абсолютным альтруистом, не считал возможным никого обременять своей болезнью.

* * *

С приходом новой власти Спасский монастырь был упразднен – в нем разместился Артиллерийский музей. Однако эта победа радости городу не принесла – оказалась уж чересчур победоносной. Даже сейчас монастырь используется большей частью как музей – правда, уже не военного профиля. Но в том музее можно встретить и монашек, а перед Святыми воротами в 1997 году поставили новенькую часовню. Правда, странную, больше напоминающую игрушечный космический корабль с детской площадки.

* * *

«Монастырский» музей считается главным музеем города. Самый большой по территории, в центре города, с огромным количеством различных экспозиций, он пользуется небывалой популярностью у приезжих, особенно среди иностранцев.

Сами экспозиции хорошие, добротные, подчас оригинальные. К примеру, в зале, посвященном «Слову о полку Игореве», вы увидите не только письменные документы прошлого, но и реконструкцию рабочего места писца XI—XIII веков, и полное вооружение воинов русской и монголо-татарской армий XIV столетия. Самая же оригинальная из экспозиций называется «Посещение медведицы Маши».

За доступную плату вам продемонстрируют медведицу в клетке, которая живет в монастыре уже около двадцати лет (подобрана совсем маленьким медвежонком где-то на севере, в вологодских лесах), и расскажут о правилах поведения при неожиданной встрече с медведем. Ну, а потом предложат купить майку с Машиным портретом.

* * *

Перед монастырем – Богоявленская (а до революции просто Монастырская) площадь. Одна из самых крупных и, вместе с тем, самых нелепых в городе. Во всяком случае, здесь предусмотрено все для того, чтоб путешественник не смог преодолеть ее так, как ему удобно. Площадь полностью отдана автомобилям и автобусам, а в центре ее, с 1993 года, стоит угрюмый основатель города Ярослав Мудрый (скульптор О. Комов). Открытие этого памятника было делом государственного масштаба, ведь на церемонии присутствовал сам президент Борис Николаевич Ельцин.

В жизни города Монастырская площадь играла важнейшую роль. Вот, к примеру, одно из свидетельств – «Записки декабриста» А. Е. Розена: «Пока мы обедали, народ стал собираться на площади: в четверть часа так набилась она, что если бы бросить яблоко сверху, то оно не упало бы на снег, а легло на шапку или на плечо. Кони наши стояли внутри двора, а ворота были закрыты, сверх того два жандарма стояли с наружной стороны с голыми саблями. В коридоре встретили нас Шереметева и Якушкина и благословили образками на дорогу; когда мы сошли с лестницы, то фельдъегерь грозно прикрикнул: «Тройка фельдъегерская, вперед! Жандармы, смотри не отставать от меня!» Во дворе мы уселись в сани. Как только часовые отперли ворота, то мы стрелой пустились через площадь по узкому промежутку между бесчисленным народом; едва успел я снять шапку и поклониться народу, как все с поклоном сняли шапки и фуражки. Кони помчали прямо через Волгу.

В Чите рассказывал мне товарищ мой П. Б. Абрамов, следовавший также через Ярославль шестью днями раньше меня, что площадь была также покрыта народом».

Проезд опальных декабристов вообще был потрясением для ярославцев. Один из осужденных, И. Якушкин вспоминал: «11 ноября мы прибыли в Ярославль. Фельдъегерь представил меня губернатору, который объявил мне, что я имею позволение видаться с моим семейством. От губернатора мы отправились на свидание.

Увидев на мне цепи, жена моя, матушка ее и все с ними присутствующие встретили меня со слезами, но я какой-то шуткой успел прервать их плачевное расположение; плакать

было некогда, и мы радостно обнялись после долгой и тяжелой разлуки. Тут я узнал, что жена моя с детками и матушка ее год тому назад получили дозволение видаться со мной в Ярославле, но им было не дано знать, когда повезут меня. Дежурный генерал Потапов знал всякий раз, когда требовался фельдъегерь для перемещения нас из крепостей в Сибирь, и всякий раз извещал об этом мою тещу; но кого именно повезут из нас, он и сам не знал. По этой причине семейство несколько раз переезжало из Москвы в Ярославль; первоначально оно пробыло тут месяц в томительном ожидании меня; потом опять жена моя с детьми, в сопровождении знакомой дамы и короткого моего приятеля Михаила Яковлевича Чаадаева, приехала в Ярославль, и они в продолжение почти месяца ожидали моего прибытия; наконец, и в этот последний раз меня ожидали здесь уже три недели».

Здесь же располагалась пастуховская гостиница, слава которой выходила за пределы Ярославля. Александр Дюма, в частности, писал: «В Ярославле – лучшая во всей России гостиница, единственная, возможно, где за вычетом двух столиц, можно найти настоящие постели».

Впоследствии в гостинице расположился переговорный пункт.

Вообще, междугородняя телефонная связь появилась в городе сравнительно недавно. Только в 1913 году газета «Голос» опубликовала сообщение: «Ярославль начал говорить с Москвой по телефону. Постоянное телефонное сообщение установилось. Как у нас уже говорилось, плата за 3 минуты разговора – 90 копеек, за каждую следующую минуту приплата 30 копеек. Не идет в счет время, употребленное для вызова. Желющие беседовать с Москвой из своей квартиры вносят на телефонную станцию аванс за 10 разговоров, т.е. 9 рублей. Открытие телефона с Москвой давно уже ожидалось в торговых кругах».

Город Ярославль играл важную роль в смысле связи еще со времен Петра I. Именно здесь проходила (и до сих пор проходит) дорога, связавшая Москву и Архангельский город (переименованный впоследствии в Архангельск). Сам Петр сочинил указ, в котором разъяснялись правила торговых перевозок: «Гонять с их, Великих Государей, грамотами и со всякими иноземскими и торговых людей грамотками, а от Архангельского города к Москве с воеводскими и гостиными отписками и торговых людей грамотками же... День и ночь письма вести бережно, в мешках под пазухою, чтобы от дождя не замочить и дорогою пьянством не утратить».

Неизбежность пьянства в разудалую петровскую эпоху ставилась в один ряд с неизбежностью дождя.

Увы, со временем почтовые работники утратили статус важных государевых людей. А вместе с этим, разумеется, и потеряли в деньгах. Газета «Северный край» сообщала в 1906 году: «Нам передали, что почтовотелеграфным работникам Ярославской почтовотелеграфной конторы присланы «наградные» деньги к праздникам, но присланы в таких микроскопических размерах, что вряд ли можно эти «награды» назвать даже и «мизерными подачками», как их недавно величали.

Получено для всех служащих (более 150 человек), по слухам, 700 рублей. Старшим чинам и частицу будут выделять «постарше», а меньшим, понятно, наоборот. По распределению выходит на долю чиновников 6-го разряда целых два рубля за вычетом двадцати копеек в инвалидный капитал. На руки, значит, сии труженики получают чистоганом ровно по рублю восьмидесяти копеек!

Не правда ли: хорошее вознаграждение за труд в течение года почтовотелеграфным служащим и за ту «жаркую пору», какая им предстоит в наступающие праздничные дни. Надо бы ведь меньше «наградить», да нельзя!»

Кстати, современное название площади происходит от памятника семнадцатого века – Богоявленской церкви. До революции она была особо популярной – здесь служили молебен мученику Вонифатию, исцеляющему от тяжелого недуга под названием пьянство.

Сегодня храм – один из самых популярных туристических объектов.

* * *

Неподалеку (Которосльская набережная, 20) находилась консистория. Славой она пользовалась, мягко говоря, не очень хорошей. Ярославский уроженец С. В. Дмитриев в сердцах писал: «В консисторию без взятки не ходи, ни духовное, ни штатское лицо! Даже противно и стыдно становилось за людей, чиновников консистории, до чего они измывались в своем взяточничестве, вернее лихоимстве! Когда, например, я усыновлял своих ребят, незадолго перед Первой мировой войной, то понадобилась мне справка из консистории о крещении детей, так как церковные книги (метрические) сдавались ежегодно в консисторию, куда я и явился за справкой. Ходил я раза три-четыре, наконец, мне один знакомый семинарист Михайловский сказал: „Да ты, Сергей Васильевич, дай чиновнику-то рублишко, вот и вся недолга, а то в наше божественное учреждение проходишь...“ Я так и сделал. Чиновник, взявший „рубличко“, предложил мне тут же сесть, сейчас же достал книгу, списал с нее что требовалось, сбегал поставить печать и „с почтением“ вручил мне нужную справку».

По словам Дмитриева, в Ярославле вообще церковное мошенничество было развито невероятно: «Приведу один пример: молящийся, придя в церковь, обычно ставит Богу свечку, кому он желает. Свечи были от 2 копеек, староста говорит богомольцам, что такое множество мелких свечей невозможно поставить, нужны слишком большие подсвечники, а мы соберем известную сумму и поставим одну большую свечу, за 1 рубль или дороже, сколько будет собрано на свечи празднику. Богомольцы, конечно, на это соглашались, им все равно, в каком виде дойдет до Бога их свечная жертва. Староста посчитает деньги, pošлет сторожа поставить свечу за 1 рубль, через некоторое время, по мере накопления денег, он опять делает то же. Свечи он ставит, но сколько он за время службы насчитывает денег, никто не знает. Уходя после службы, он запирает церковный ящик и ключи уносит с собой, конечно, и „причитающиеся“ ему деньги. Такие же махинации творились и с поминаньями, просфорами и т. п. Все религиозные отправления, обряды, самое священнослужение, – все имело свое основание, все зиждилось на деньгах».

А Титов, по своему обыкновению, посвящал консистории вирши:

В Консистории, в зале большой,
Архиерейский синклит заседает,
Но не видит Владыка слепой,
Как «Петруха» дела направляет.
Сей Петруха Басманов, злодей,
Не утрет слез вдовицы несчастной,
Что напишет рукой загребушей своей,
Скреплено будет подписью властной.

Словом, духовенство Ярославля могло бы и поумерить свои аппетиты.

* * *

Если теперь направиться на север города по Комсомольской улице (или же параллельной Первомайской), то вы пойдете прямо по трассе проходившего здесь Земляного города, то есть оборонительного земляного вала. Он был сооружен в шестнадцатом столетии, и его для пущей неприступности окружили глубоким рвом, соединявшим воды Волги и Которосли. Поначалу на валу располагалась стена с 24 деревянными башнями, но в семнадцатом столетии их заменили на 12 более надежных, каменных. В начале девятнадцатого века земляной

вал срыли, на одной его части разбили бульвар, на другой – выстроили новые торговые ряды или гостиный двор.

Его автором стал модный ярославский архитектор Петр Яковлевич Паньков. Ряды существовали и раньше, на Ильинской (нынешней Советской) площади, однако в 1813 году гордума постановила: «В здешнем городе нет, особенно для торгующих, как здешних граждан, так и приезжих торговцев, гостиного двора... торговая промышленность усилилась, число торгующих умножилось, почему с недостатком лавок открылись неустройства».

Вскоре губернские ведомости сообщили: «Заложили прекрасный Гостиный двор... имеющий в себе 155 лавочных номеров и окруженный со всех сторон широкою галереей с колоннами ионического ордера».

Правда, не обошлось без вмешательства стихии. «27 декабря 1831 года... торговцы суровского, панского и мелочного рядов единодушно перебрались во вновь взятые и прекрасно отстроенные лавки, а в следующем году то же сделали и торговцы кожевенного ряда. Таким образом, Гостиный двор занят был весь и вполне достиг настоящего своего назначения. Градская дума получала с него до 20 000 рублей ассигнациями годового дохода... – писало «Историческое обозрение Ярославского общественного Гостиного двора». – В ночь с 14 на 15 мая 1835 года, этот Гостиный двор сделали жертвою пламени, огонь распространился с невероятною скоростью, охватил весь корпус, угрожал, вместе с тем, истребить и старый Гостиный двор, много постоялых дворов и прочие окружающие здания. По величайшим усилиям пожарной команды и бесчисленного множества жителей спасены все соседние здания, от Гостиного же двора, по прошествии 4 часов, остались, исключая находящийся в середине его отдельный небольшой полукруглый корпус, одни только обгорелые стены и колонны...

Граждане, принявшие на себя отстройку Гостиного двора, с радостью и усердием приступили к устройству взятых ими лавок. Работа шла с необыкновенною скоростью и успехом, так что по прошествии 5 месяцев в совершенно новой красе возник из пепла».

Торговые ряды, в первую очередь прекрасная ротонда, безусловно, стали украшением города. Однако, по свидетельству И. С. Аксакова, ярославские предприниматели лучше от этого не стали: «Меня поразили вид здешнего купечества, оно полно сознания собственного достоинства, т.е. чувства туго набитого кошелька. Это буквально так... На всем разлит какой-то особенный характер денежной самостоятельности, денежной независимости... Бороды счастливы и горды, если какой-нибудь его „превосходительство“ (дурак он или умен – это все равно) откушает у него, и из-за ласк знатных вельмож готовы сделать все, что угодно, а уж медали и кресты – это им и во сне видится».

Торговля же шла на широкую ногу. В описании Ярославля, составленном в 1802 году, подробным образом перечислялось: «Вывозятся из города следующие продукты: мука ржаная, крупчатая и подрукавная, горох, толокно, солод, семя льняное и конопляное, живая и приколотая рыба; с фабрик – скатерти, салфетки, нахтыши, канифас, каламенки, тики, бубуреты, дрели, полотна, фламские и ревендучные; разная бумага, александрийская и полуалександрийская, писчая, картузная, шпалерная, оберточная и политурная; шелковые кружева, платки, штофы, канле, гарнитуры, тафта, перюсень, парча, гризет, канават; с заводов – синий купорос, разные выделанные кожи, юфть, медный и железный деланный товар и прочее – всего по цене примерно до миллиона рублей».

Где нынче ярославский канифас? Где бубуреты? Юфть? Даже простой полуалександрийской бумаги не сыщешь.

* * *

А торговали в городе и вправду чем угодно. И в главной городской газете попадались подчас неожиданные объявления: «Отпечатанная в Ярославской губернской типографии

книжка под названием „Стихотворения П. П.“ поступила в продажу. Молодой талант, не объявляя ни малейшего притязания на славу, конечно, не будет иметь недостатка в поощрении от любителей просвещения. Представляя опыт стихотворений г. П. П. на суд благомыслящего снисхождения опытной публики, редакция губернских ведомостей с удовольствием берет на себя обязанность довести о новой книжке до сведения публики и приглашает желающих иметь оную, адресоваться прямо в редакцию, которая приятным долгом сочтет удовлетворять требованиям немедленно, с возможною аккуратностью, цена на книжку 25 копеек серебром, с пересылкою во все места 30 копеек серебром. Имена удостоивших внимания г. сочинителя напечатаны и розданы будут всем и подписавшимся на получение книжки стихотворений».

Дальнейшая судьба подобных книг более-менее ясна. Томик стихов таинственного сочинителя П. П. приобретался либо в подарок, либо просто так, по глупости. Затем он какое-то время пылился на полочке, этажерке или конторке, потом относился в торговые ряды и за копейки сдавался букинисту. Тот продавал произведение молодого стихотворца чуть дороже, однако ж все равно за копейки.

После чего томик шел на курево.

* * *

Среди ярославских купцов попадались личности незаурядные. Вот, например, воспоминания современника о некоем С. А. Серебренникове: «Купец Серебренников был одним из почтеннейших исследователей старины. Писать он начал еще с сороковых годов, что и продолжал до 1861 года включительно, так что если б собрать воедино все им написанное, то составилась бы порядочный том.

Печатал сочинения отдельными брошюрами в здешних губернских ведомостях, в чтениях московского исторического общества и в ярославском литературном сборнике, который он вместе со священником Тихомировым издавал в 1849 и 1850 годах... Достоинство его оригинальных статей неодинаково, смотря по тому, касаются ли они древностей церковных или нецерковных. Из них последние уступают первым, потому что древностей нецерковных сохранилось меньше, чем церковных, и потому что автор для исследования таких вещей не имел соответственного образования; статьи же его о церковных древностях не только замечательны, но большею частию имеют отличительное и капитальное достоинство, так что последующие сочинения очень малое могли прибавить к сведениям Серебренникова и почасту состоят не более как в простой компиляции исследований этого купца...

В последние годы Семен Алексеевич так слаб физически и морально, что не только не стал ничего писать, но и прекратил всякие сношения с ученым и литературным миром и, наконец, закончил дела несчастной несостоятельностью».

Такая вот печальная судьба сегодня безнадёжно позабытого предпринимателя и краеведа. Гораздо лучше было тем, кто всякие художества успешно совмещал с торговлей. А лучше, чтоб художества именно про торговлю и повествовали. Этому принципу, к примеру, следовал купец Ф. Н. Слепушкин, сочинявший следующие вирши:

Сначала был мой капитал
Лишь только на полпуда груши.
Лоток, безмен себе достал.
Пустился в торг – не бить баклуши.

Налицо и удовлетворение поэтических амбиций, и реклама. Недаром именно лихой Слепушкин, а не бедный Серебренников пользовался симпатией у власти. Сам министр просвещения, президент Академии наук А. С. Шишков послал ему письмо: «Академия с удо-

вольствием и не без удивления к природным дарованиям твоим нашла оное весьма хорошим как по изящному вкусу и благонравию, так равно по простому, по благородному слогу и чистому языку, сельским описаниям приличному; а притом ведая, что ты при должном попечении о семействе своем, не отставая никогда от занятий, состоянию твоему сродных, научился также самоучкою живописному искусству и добрым поведением своим от многих заслужил похвалу – состоящую в средней золотой медали с надписью: „Приносящему пользу русскому слову“. Препровождая к тебе оную от лица академии, желаю, чтобы ты, достигши до глубокой старости, обретал заслугами и честолубием своим к чести отечественных наук и художеств большее на себя внимание».

К медали прилагалось 50 рублей в твердой валюте – золотых червонцах. Семену Серебренникову о подобной сумме даже не мечталось.

* * *

Но в большинстве своем ярославские купцы не слишком-то стремились к экспериментаторству. Жизнь вели размеренную, скучноватую и без затей. Единственная радость – чаепитие. Один из здешних подмастерьев, уже упомянутый С. В. Дмитриев описывал режим своих работодателей: «Хозяева пили чай и уходили утром в лавку; затем вставали женщины-хозяйки и тоже пили чай. Ольга Александровна выходила ежедневно за обедню, но к женскому чаю попевала. В час дня обедал Константин Михайлович. В два часа – Геннадий Михайлович. Оба обедали в темной комнате рядом с кухней и после обеда уходили опять в лавку. Часа в 3—4 обедала женская половина. Около шести часов хозяева возвращались из лавки и пили немножко чаю. Часов в 8, иногда позднее, был чай с разной пищей, и горячей, и холодной, так что-то между ужином и закуской. Наконец, все расходились по своим комнатам, и большинство членов семейства укладывалось спать».

Зато уж в лавке этим константинам и геннадиям михайловичам палец в рот не клади. Дореволюционный исследователь В. В. Толбин писал: «Загляните в любую мелочную лавочку, и если вы увидите в ней человека, который вместе одною рукою и вешает какой-нибудь старухе кофе, и тут же режет хлеб, и в один и тот же раз и мальчику лавочному успевает дать подзатыльника за то, что тот вместо того, чтобы с покупателями обращаться, котом занимается, – это ярославец».

Впрочем, торговлю жители города Ярославля вели, по большей части, честную. За качеством следили, что ни попадя не подсовывали. Сергей Дмитриев вспоминал, как его чаеоторговец-хозяин проверял образцы: «Тщательно выполоскал хозяин рот, вычистил зубы и в халате, натошак (ни есть, ни пить, а тем более курить, было нельзя) принялся за пробы. Из каждого свертка, лежащего против кружки, он клал маленькую серебряную ложку сухого чая в кружку и заваривал его тут же из кипящего на спиртовке кофейника. Кружку закрывал тотчас же крышкой. Заварив все кружки, он начал по очереди наливать по небольшому количеству заваренного чая в стаканы. Кипятку в кружки наливалось очень немного, получалась густая черно-красная масса чая, как деготь. Сначала хозяин лизнет одну каплю с ложки этого «дегтя», затем разбавит его в стакане и пробует глотком. Иной стакан весь выльет в полоскательницу. Снова его нальет, убавив или прибавив кипятку. И все что-то записывал. По лицу его было видно, что от такой работы он очень страдал и беспрестанно плевал.

Когда я после его работы стал убирать кружки и стаканы, то мальчишеское любопытство взяло свое, и я задел этой густоты «дегтя» ложкой и лизнул. Да, должно быть, лизнул не так, как хозяин, а побольше, так до сих пор не забуду, как я целый день плевался и никак не мог заесть или запить неприятного во рту ощущения.

Собрал хозяин все свертки, завернул их в бумагу, что-то написал на них и, уходя в лавку, унес с собой. По окончании пробы хозяин долго полоскал рот (в кухне, чтобы не разбудить в спальне хозяйку) и холодной, и теплой водой, прибавляя к ней чего-то из принесен-

ных им пузырьков. Затем пошел в столовую и, прежде чем начать завтракать, выпил стакан густых сливок. Это была профилактика, вообще же он после чайных проб пил и ел очень мало».

* * *

География интересов ярославского торговца была совершенно невообразимой. При этом он подчас выступал в роли прогрессивного пропагандиста новых товаров и услуг. Газета «Архангельск» в 1908 году удивлялась: «Весьма бойко торгует кондитерская из Ярославля г-на Укропова. Изготавливаемые ею так называемые „вафли“ – новинка для Архангельска – берут прямо нарасхват».

Если бы не господин Укропов, то, глядишь, в Архангельске и по сей день не знали вафель.

Известный русский велосипедист и путешественник Л. Колотиллов изумлялся в конце девятнадцатого века: «Всюду, не говоря о нашей обширной бесконечной матушке России, с ее отдаленнейшими окраинами, но и далеко за пределами ее вы встретите русского торговца, купца, разговоритесь с ним, и он непременно окажется уроженцем Ярославской губернии. В Париже, Вене, Берлине, Константинополе, в Скандинавии, в Египте, Японии и Китае – повсюду преобладают торговцы-ярославцы. Далеко за пределами своей родины ведет он свою торговлю, имеет фабрики или завод, а в случае неудачи он не задумывается и работает что придется».

Действительно, во многих мемуарах то и дело упоминается такой сюрприз – вдруг повстречавшийся где-нибудь на краю географии ярославский уроженец. Не турист, а именно предприниматель. Он может иметь свое крупное дело, работать обычным разносчиком фруктов и овощей или просто-напросто перебиваться разовыми заработками – к примеру, переводческого толка. Ведь, помимо всего прочего, у ярославцев огромные таланты к иностранным языкам.

Чаще всего, конечно, ярославец процветал. Еще бы – он и подольстится, и с десятков комплиментов скажет, но при этом – себе на уме. Один из приказчиков, выходцев из здешних мест, вспоминал: «Довела однажды меня до белого каленья одна барынька, такая расфуфыренная. Зашла шубку к Рождеству покупать. Одну примерила – в плечах тянет, другую принес – цвет не тот, третья – опять не по нраву. Привередничала, привередничала, наверно, целый воз шубок перетаскал. Вижу, старший приказчик на меня глазом косит. Ну, думаю, была не была, попробую один фокус. Остановился и осматриваю ее пристально с головы до ног».

А затем состоялся такой диалог:

– Что вы на меня так уставились?

– Прошу простить великодушно, фигура-то у вас как у хозяйской дочки.

– Ну, и что?

– Ей на Рождество шубку справили.

– Покажите мне эту шубку!

– Не смею вас обнадеживать, но поговорю непременно.

«Усадил ее в кресло. Зашел на склад. стакан чаю выпил. Табачку понюхал. Выхожу с шубкой, что под руку подвернулась. Только ей на плечи накинул.

– Вот эта по мне. Угодили.

Шубка-то ничем не лучше других, зато цену загнул порядочную. И не торговалась. А хозяйская дочка еще в куклы играла, и невдомек девчонке, что я под праздники до десятка шуб с ее плеча продаю. Конечно, не без выгоды».

Да что там говорить! Известно, что когда в городе Ярославле вдруг остановился Петр I, здешнее купечество в момент отреагировало – вывесило напротив царских покоев огромный транспарант с надписью: «Оцу отечесва, от ярасласкава купечесва, транц-баран».

Это еще не все. Когда стемнело, представители «купечесва» поставили за транспарантом горшки с дегтем и подожгли.

Подобного «внимания» царь больше не встречал нигде.

* * *

Не удивительно, что здешний предприимчивый мужик вошел в художественную литературу. Господин Понизовский, владелец крахмало-паточного завода (расположенного в нынешнем Некрасовском районе Ярославской области и известного как комбинат «Красный Профинтерн»), был воспет в стихотворении Некрасова «Горе старого Наума»:

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум – неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой...

Разве что личная жизнь не задалась у этого предпринимателя. Но тут уж как повезет.

* * *

Нищих в городе было довольно много – попрошайек тянет на богатство. Газета «Северный край» сообщала в 1903 году: «На улицах Ярославля на каждом шагу попадаются нищие.

В редком городе можно встретить столько нищих, выпрашивающих подаяние и пристающих к прохожим. В Ярославле нищие как-то особенно бросаются в глаза.

Обыватели жалуются на это. Их беспокоят попрошайки...

Среди нищих есть дети. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, дети протягивают руки и выманивают «копеечку». Только одну копеечку. Дети раздражают прохожих, надоедают им, неотступно преследуя их по всей улице. Тоненькими голосами, со всевозможными припевами, они бегут за «господами» и не отступают даже от палки».

Что поделаешь – издержки материального благополучия.

* * *

Заканчиваются торговые ряды Знаменской башней – одной из тех двенадцати, воздвигнутых в семнадцатом веке. Когда-то ее украшал деревянный шатер, висел набатный колокол (уступивший впоследствии место городскому водонапорному баку), в ворота же была вмонтирована крепкая железная решетка, защищавшая, в случае необходимости, от вражеских набегов (щель от той решетки можно обнаружить в башне по сей день). Во времена Петра I именно здесь стоял особый караул, взимавший пошлину с тех, кто желал носить крамольные в то время бороды.

* * *

Рядом с башней, на Комсомольской улице, 4, находился дом Мохова с номерами. Жизнь в этих номерах текла колоритная. Один из обывателей писал о своем детстве, проведенном

в моховской «гостинице»: «Дрова мы покупали сами, я должен был их колоть. Колуна я поднять не мог, поэтому колол топором, было очень для меня трудно, часто помогали мне или ямщики, видя мою «надсаду», или дворники.

Против нас жили шесть человек рабочих, сортировщики льна, выписанные немецкою фирмой «Брандт и Ко», имеющей в Ярославле контору и большой склад льна в доме на углу Рождественской и улицы Нетечи... Вот к этим-то рабочим я и ходил почти каждый вечер. Придя часов в 5—6 с работы, они ужинали и усаживались кругом стола слушать чтение книг. Читали, кто умел, конечно, по очереди, и мне приходила очередь читать. Читали лубочную, базарную литературу. Тут были, как сейчас помню, «Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич», «Милитриса Кирбитьевна», «Пан Твардовский», «Илья Муромец» и т. п. И с каким удовольствием все мы слушали, а после прочтения обсуждали: кто, как кого лучше убил или обманул. Так проходили зимние долгие вечера».

Сортировщиками льна соседство, разумеется, не ограничивалось: «Рядом и против нас жили казанские татары, торговцы-разносчики. Они ходили по городу с громадными узлами через плечо. В узлах — разная мануфактура. Они обменивали ее, а иногда и продавали за деньги, на разные старые или негодные в домашнем обиходе вещи...

К ним я тоже очень любил ходить рассматривать всевозможные вещи, которые они выменивали за день, а вечером, после обеда, разбирали их. И чего-чего тут только не было: и золотом шитые мундиры, и просто мундиры военные и штатские, и всевозможные брюки, и шляпы чиновников и гражданские, и дамские, и фуражки разные, и сабли, и шпаги, и ружья, словом — целый базар разного хлама».

Вот уж воистину, кого только не было в пристанище Мохова! Да и в Ярославле вообще.

* * *

Северный фасад Знаменской башни выходит на большую площадь имени Федора Волкова. А на противоположной стороне той площади — театр.

Как-то уж повелось, что первое — всегда в столицах. Первый метрополитен и первая телефонная станция, первый торговый автомат и первый электрический фонарь, первый университет и первый кинематографический сеанс. А вот театр первый — в Ярославле.

Как так вышло? Да и насколько справедливо это утверждение?

* * *

Основателем российского театра считается Федор Григорьевич Волков. Родился он в 1729 году, и дата сразу же наводит на вопросы. Неужели до того времени наша страна не знала театральной сцены? А как же всевозможные увеселения Петра, а крепостные труппы?

Все это было, но театр Волкова принципиально отличался от предшествующих опытов. Во-первых, тем, что был и вправду русским. То есть, русский режиссер и русские актеры ставили пьесы русских авторов на русском языке. Во-вторых, труппа была сугубо добровольная, не крепостная. Более того, актеры получали за свой труд вознаграждение. Следовательно, именно волковскую можно считать первой профессиональной труппой.

Кроме того, это первый народный и первый провинциальный театр. Так, по крайней мере, утверждают книги, посвященные русской истории. При этом утверждают вяло, неопределенно. Ощущение такое, будто авторы сами не верят в написанное или, по крайней мере, сомневаются.

Где доказательства того, что до сценических экспериментов Волкова не было в России ничего подобного? Их нет, да и быть не может. Просто так уж сложилось, что именно волковская труппа попала в поле зрения российского правительства. И потому-то считается первой.

Считается – ну и пусть себе считается. В любом случае, Федор Волков был личностью весьма незаурядной и достойной, а ярославский театр и сегодня далеко не худший. И хватит о том.

* * *

Итак, Федор Волков родился в 1729 году в городе Костроме. Спустя семь лет его отец скончался, а мать весьма удачно снова вышла замуж за ярославского купца Федора Васильевича Полушкина. «Молодые» поселились в Ярославле.

Деньги на обучение Феденьки у отчима естественно были, и мальчик получил по тем временам весьма фундаментальное образование – в первопрестольной. Бывал он и в Санкт-Петербурге, где по словам Николая Новикова, «ходил он несколько раз на театр, чтобы обстоятельнее осмотреть оного архитектуру, махины и прочие украшения; и как острый его разум все понимать был способен, то сделал он всему чертежи, рисунки и модели».

Так что идея создать свою труппу возникла не вдруг.

Первый же спектакль состоялся летом 1750 года в кожевенном амбаре отчима. Зрители, включая отчима, сначала даже не поняли, где именно они находятся – настолько все здесь было не похоже на функциональное торговое сооружение. Стены и потолок разрисованы, по всему залу расставлены горящие плошки. Гости (по большей части приятели купца Полушкина) расселись на скамейки, заиграл оркестр (гусли и пара скрипок), затем занавес поднялся, и за ним вдруг обнаружился роскошный дворец, а в нем – царь и царица.

Потом дворец исчез – вместо него столь же чудесным образом возникла городская улица с деревьями и прочей атрибутикой. Ярославские торговцы пребывали в шоке, их, людей бывалых, до сих пор ни с чем подобным жизнь не сталкивала.

Спектакль имел успех, и обрадованный Федор Волков приобрел участок земли, на котором и отстроил театр. Потратился он на костюмы, мебель и декорации. Зато и плату назначил за вход – копейка, три копейки или пятачок, в зависимости от удаленности от сцены.

Новое предприятие начало действовать. Но насколько оно было выгодным неизвестно, так как прошло всего чуть больше года, и о новой труппе доложили царице Елизавете Петровне – известной охотнице до всяких развлечений. И наступили в жизни Волкова большие перемены. Очень даже неожиданные.

* * *

Только что был Федор Волков человеком пусть и знаменитым (в Ярославле и окрестностях), пусть талантливым и преуспевающим, но человеком. С тех же пор, как обратил он на себя внимание двора, сделался Федор Григорьевич таким делом государственной важности. И дальнейшее его существование удобнее отслеживать не столько по воспоминаниям и косвенным упоминаниям, сколько по официальным документам. Первый из них издан был Сенатом в январе 1752 года и назывался «Указ о доставке из Ярославля в Петербург Ф. Г. Волкова с труппой»:

«Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская, сего генваря 3 дня всемилостивейше изустно указать соизволила: ярославских купцов Федора Григорьева сына Волкова, он же Полушкин, с братьями Гаврилою и Григорием, которые в Ярославле содержат театр и играют комедии, и кто им для того еще потребны будут, привести в Санкт-Петербург. И того ради в Ярославль отправить отсюда нарочного и, что надлежать будет для скорейшаго оных людей и принадлежащего им платья сюда привозу, под оное дать ямские подводы и на них из казны прогонные деньги...

И во исполнение одного высочайшего его императорского величества указу правительствующий Сенат приказали: в Ярославль отправить нарочного сенатской роты подпоручика Дашкова и велеть показанных купцов Федора Волкова, он же Полушкин, с братьями и, кто им еще для чинов потребны будут, и принадлежащее к игранию комедий их платье из Ярославля Ярославской провинциальной канцелярии отправить в Санкт-Петербург с показанным нарочным, отправленным в самой скорости».

Естественно, что у «показанных купцов» соизволения никто не спрашивал – ведь дело государственное. А впрочем, Волков и не думал противиться – принял подарок судьбы с радостью и преспокойно обозначил себе штат:

«Он, Волков, показал: ко отправлению де с ним в Санкт-Петербург, сверх братьев его, Гаврила и Григорья, потребны к комедии ярославской провинциальной канцелярии канцеляристы Иван Иконников, Яков Попов, пищик Семен Куклин, присланные из ростовской консистории в ярославскую провинциальную канцелярию для определения из церковников Иван Дмитриевский, Алексей Попов, ярославец, посадский человек Семен Скочков, да жительствующие в Ярославле из малороссийцев Демьян Галик, Яков Шумской».

Таким был состав первой русской театральной труппы.

Впрочем, несмотря на ярославские заслуги, Федор Волков был признан недостаточно воспитанным и образованным, чтобы принимать активное участие в придворной жизни. И дабы этот недостаток устранить, его, а также прочих участников труппы, определили на обучение в Кадетский корпус. Сохранилась ведомость, в которой отмечались успехи учащегося:

«Немецкое и латинское письма. Пишет форшерты (грамматические разборы – авт.) хорошо. Прилежен и понятен и впредь об успехе ожидать можно.

Немецкий язык. Окончил грамматику и имеет в первоначальных переводах нарочитое знание... Понятен, прилежен и впредь лучшего успеха надеяться надлежит.

Французский язык. В грамматических правилах и деκлинациях (склонениях – авт.) посредственно. Понятен, прилежен и впредь небезнадежен.

Рисование. Рисует и малюет тушью позитуры и ландшафты нарочито хорошо. Понятен, прилежен и хорошая надежда есть.

Танцы. Зачинает делать миноветы па хорошо. Впредь надежда есть.

Музыка. Играет на клавикортах миноветы и польские. Весьма прилежен и потому впредь об успехе хорошая надежда.

Фехтование. Колет целые кавационные штосы с одинакими финтами хорошо. Способен, прилежен и впредь об успехе надеяться можно».

Обучение оказалось достаточно строгим, а условия жизни весьма скудными. И основатель русского театра вынужден писать такие прошения:

«В бытность мою до определения во оный корпус здесь при Санкт-Петербурге близ года без жалования заложил я на мое содержание некоторые вещи, которые мною уже и выкуплены, а осталось токмо еще в закладе в девяти рублях несколько книг, которые необходимо надлежит мне, нижайшему, выкупить же, да сверх того как мне, так и брату моему Григорию Волкову для научения трагедии надлежит ходить на немецкую комедию в каждой неделе по три раза за каждый раз по двадцати пяти копеек с человека.

Того ради просим канцелярию Кадетского корпуса выдать нам, Федору Волкову, на выкуп объявленных книг 9 рублей и на хождения на комедию, на весь будущий май три рубли, да на содержание служителей на оный же май месяц три рубли, итого пятнадцать рублей. А Григорию Волкову на комедии три рубли из принятой Санкт-Петербургского Соляного комиссарства суммы».

* * *

Лишь в 1756 году «комедиантов» признали в необходимой мере подготовленными к новой своей миссии. И 30 августа императрица наконец подписала соответствующий Высочайший указ:

«Повелели мы ныне учредить российский для представления трагедий и комедий театр, для которого отдать Головинский каменный дом, что на Васильевском острове, близ Кадетского дома. А для оного повелено набрать актеров и актрис: актеров из обучающихся певчих и ярославцев в Кадетском корпусе, которые к тому будут надобны, а в дополнение еще к ним актеров из других неслужащих людей, также и актрис приличное число. На содержание оного театра определить, по силе Нашего Указа, считая от сего времени, в год денежной суммы по 5000 рублей, которую отпускать из Статс-канцелярии всегда в начале года по подписании Нашего Указа. Для надзирания дома определяется из копиистов Лейб-Компании Алексей Дьяконов, которого пожаловали Мы армейским подпоручиком, с жалованием из положенной на театр суммы по 250 рублей в год. Определить в оный дом, где учрежден театр, пристойный караул. Дирекция того Русского театра поручается от Нас бригадиру Александру Сумарокову, которому из той же суммы определяется, сверх его бригадирского оклада, рационных и денщицких денег в год по 1000 рублей и заслуженное им по бригадирскому чину с пожалования его в оный чин жалование, в дополнение к полковничью окладу добавить и впредь выдавать полное годовое бригадирское жалование; а его бригадира Сумарокова из армейского списка не выключать. А какое жалование, как актерам и актрисам, так и прочим при театре производить, о том ему – бригадиру Сумарокову от Двора дан реестр. О чем Нашему Сенату учинить по сему Нашему Указу. Елизавета».

И не беда, что указ касался по большей части вопросов хозяйственных, преимущественно – благосостояния «бригадира Сумарокова», не беда, что на зарплату тому Сумарокову, помимо «бригадирского оклада, рационных и денщицких», предназначалось двадцать процентов всего театрального бюджета. Также не беда, что имени Федора Волкова в указе вовсе не было. Ведь всем было понятно, что театр создается под вполне определенную персону – вывезенную из провинции, обученную в Кадетском корпусе и признанную наконец-то пригодной к исполнению высокой цели. И именно благодаря этой персоне в России появляется новое увеселительное предприятие.

* * *

Кстати, существуют доказательства, и довольно убедительные, что Федор Волков был не только лишь комедиантом, но и государственным лицом. И более того, участвовал (возможно, даже в качестве так называемого «мозгового центра») в перевороте, вследствие которого на трон взошла Екатерина. Один из современников, А. М. Тургенев утверждал в своих воспоминаниях: «При Екатерине первый секретный, немногим известный, деловой человек был актер Федор Волков, может быть, первый основатель всего величества императрицы. Он, во время переворота, при взошествии ее на трон, действовал умом; прочие, как-то: главные Орловы, кн. Барятинский, Теплов – действовали физическою силою, в случае надобности, и горлом, привлекая других в общий заговор».

А вскоре после воцарения Екатерины Федор Григорьевич потребовался уже в официальной своей роли режиссера. Ему поручили поставить грандиозный маскарад, призванный провозгласить Екатерину справедливейшей правительницей за всю историю государства. Маскарад назывался «Торжествующая Минерва» и все понимали, что под именем богини Правосудия подразумевается сама царица.

Уже в начале 1763 года по стране распространили специальные рекламные листки: «Сего месяца 30, февраля 1 и 2, то есть в четверток, субботу и воскресенье по улицам Большой Немецкой, по обоим Басманным, Мясницкой и Покровке от 10 часов утра за полдни,

будет ездить большой маскарад, названный „Торжествующая Минерва“, в котором изъясится Гнусность пороков и Слава добродетели».

Маскарад устроили в Москве. Он представлял собой бесконечное шествие масок, образов и аллегорий. Начиналось шествие на Красной площади и далее шло по Мясницкой, Новой Басманной, задерживалось в Немецкой слободе, а затем разворачивалось и уже по Старой Басманной и Маросейке возвращалось обратно к Кремлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.